Двор не большой, но очень элегантный. Несколько бамбуковых палок качаются у стены, несколько фиолетовых водяных лилий цветут в маленьком пруду, синяя трава цветет прямо у пруда, и слабый аромат плывет по двору вместе с ветром. Чэн Сян стоял у ворот двора, ошеломленно размышляя, как давно здесь находится этот двор? С тех пор как его сын получил главный приз в шестнадцать лет, он стал очень стабильным и правильным в общении с другими. Кажется, я больше не беспокоюсь о нем. Даже если он знает, что на этот раз он серьезно болен, и думает, что может выйти, не заботясь об этом, он должен подумать. Есть слишком много вещей, и император становится все более и более нелепым. Фракция Ван Сяна и фракция Дун Сяна идут голова к голове, но в плане сбора денег они беспрецедентны. Он изо всех сил старался сохранить оставшиеся позиции Цинлю.

Когда я увидел Чэн Цзя сегодня утром, он едва поверил своим глазам. Через полмесяца его сын стал таким худым. Когда он вернулся, чтобы спросить, то понял, что тот не ел уже два дня. Он снова разозлился, хотя и не знал, почему его вырвало кровью в тот день, но он определенно не мог избавиться от этой женщины. Насколько священной была эта женщина, чтобы заставить его сына с глазами на голове так сильно страдать?

"Господин?" осторожно позвал слуга, держа поднос, отчего Чэн Сян проснулся, сердито топнул ногой и вошел в комнату.

"Отец?" Чэн Цзя прислонился к изголовью кровати, посмотрел на ворвавшегося Чэн Сяна простыми глазами и позвал.

"Ты только что показал свое дыхание? Разве ты не хочешь жить ради женщины?" Чэн Сян высоко поднял руку, но не смог убрать руки, увидев бледное и бескровное лицо сына, он гневно сказал.

"Мой сын не хотел жить", - слабо улыбнулся Чэн Цзя и сказал: "Просто я действительно не могу есть".

"Принеси его мне!

" Чэн Сян вскрикнул, взял с подноса в руках слуги миску с тушеной ароматной кашей, поставил ее перед Чэн Цзя и сказал: "Ешь!".

Чэн Цзя взял кашу и послушно проглотил ее. Увидев, что миска с кашей дошла до дна, на лице Чэн Сяна появилась улыбка, и он сказал: "Правильно, это всего лишь женщина, чего только не найдешь. Там? Я слышал, что дочь семьи Фу добродетельна и красива, и ты всегда нравилась мастеру Фу, так что давай поговорим с ним за моего отца."

"Хорошо." Чэн Цзя поставил пустую миску на поднос в руке слуги и с улыбкой кивнул.

Чэн Сян обрадовался еще больше и вздохнул: "Цзяэр, ты также знаешь, что мой отец уже стар, и фракция Цинлю не вся будет передана тебе в будущем! I..."

"Хм..." Чэн Цзя, который слушал слова Чэн Сяна со слабой улыбкой, внезапно прикрыл рот, затем откинулся назад и его вырвало.

Только что съеденная каша была извергнута нетронутой, с примесью черной крови. Глядя на Чэн Цзя, которого все еще рвало, Чэн Сян побледнел.

"Ничего страшного", - Чэн Сян встал, дрожа, словно ему было несколько лет, медленно подошел к двери и вздохнул: "Как хочешь, только дома ты точно не сможешь выйти замуж! "

Увидев спину отца, которая, казалось, внезапно поникла, Чэн Цзя медленно сел, с кривой улыбкой в уголке рта, отчего кровавые пятна стали красными и ослепительными.

Что ты хочешь? Чэн Цзя, подумай хорошенько, чего ты хочешь? На самом деле ты уже давно это знаешь, верно?

"Книжный шкаф, приготовь кресло для седана".

Ворота дворца Дингуо были еще закрыты. Чэн Цзя стоял под ступенями с футляром для книг, смотрел на картину и похлопывал по двери. Ветер сдул несколько бумажных денег с другой стороны улицы, заставив его вздрогнуть, а затем вспомнить, что завтра будет праздник Середины года.

"Извините, пожалуйста, скажите моей жене, наш сын очень хочет что-то попросить!

" Хуацзянь поставил ногу в щель двери и сказал охраннику, который хотел закрыть дверь, увидев их.

"Наша жена соблюдает сыновнюю почтительность и не может видеть посторонних". Охранник холодно сказал, а затем приготовился закрыть дверь силой.

"Пожалуйста, поговорите с Цайе, Чэн может получить счет военного министерства". Чэн Цзя сделал два шага вперед и прошептал.

Лицо охранника слегка изменилось, и он сказал, что вы подождете, а затем закрыл дверь.

"Мастер, отдохните?" обеспокоенно глядя на бледное лицо Чэн Цзя, убеждал Шумо.

Чэн Цзя покачал головой, просто глядя на дверь, как будто он уже прошел через дверь в сокровенное.

Дверь со скрипом открылась, Янь Ци посмотрела на Чэн Цзя, который уже мялся, обхватив ее руками, а затем сказала: "Входи один".

Похлопав рукой по потревоженному книжному шкафу, глубоко вздохнув, Чэн Цзя последовала за Янь Ци в дверь.

Линь Цинъюй не ожидал, что Чэн Цзя настолько похудела всего через полмесяца. Не будет преувеличением описать ее как пробитую кость. Он замер на мгновение, встал и сказал: "Иди позови Алана".

Пройдя столько дорог, Чэн Цзя достиг предела. Он сел на мягкую кушетку и, не обращая внимания, выпил воды из чашки с чаем, стоявшей на столе. Фанг поднял голову и сказал: "Цзя хочет поговорить с тобой наедине. Возможно ли это?"

Цвет лица Линь Цинъюя слегка потемнел. Видя, что он молчит, Чэн Цзя не беспокоился, а лишь слегка потягивал холодный чай из чашки.

"Проглоти семь".

Янь Ци кивнул, махнул рукой, и все служанки возле водного павильона отступили, а затем отступили и они с Ин Цзю.

"С твоей нынешней силой, даже если Хэйшуйгуань поможет тебе, невозможно завоевать мир,

но если ты сначала допустишь гражданскую войну в династии Чжоу, когда различные фракции потеряют свои силы, тогда ты начнешь постепенно поглощать их, это возможно, но, как ты можешь быть уверен, что эти люди расстроятся?

Но ничего, они не могут расстраиваться, вы, естественно, будете думать о том, чтобы дать им расстроиться. За 30 миллионов в этой войне, кроме денег, отнятых у народа. Большинство из них поступило от крупных игроков. Хотя предложение Ван Сяна спасло их интересы и подавило их недовольство, но если люди узнают, что 30 миллионов гуаней - это на самом деле семейная выгода, не говоря уже о Дун Сянхуэй. Подумав, другие семьи будут недовольны". Посмотрев на Лин Цинъюя, который медленно садился напротив, Чэн Цзя улыбнулся: "Когда ты хотел проверить военные расходы семьи Чжао?"

"Во время фестиваля Циси я слышал, как генералы Чжао Иньфэна болтали, говоря, что они не получили денег, а расходы не сравнимы с расходами Запретительной армии. Но я подсчитал счета в Хэйшуйгуане и знаю приблизительные военные расходы. Если они не получили денег, то куда делись 30 миллионов? Как вы узнали, что я расследую военные расходы?".

"У Цзя тоже есть свои каналы. Так как я знаю, что Янь Ци и остальные принадлежат к Красной Палате, выяснить это несложно". Чэн Цзя поднял глаза и посмотрел в ту сторону, где стоял Янь Ци, и с улыбкой сказал: "Просто узнай у Ся Тяньсян, каких гостей любят принимать девушки в этом здании в последнее время, а потом спроси, на какие темы **** разговаривают эти гости и девушки, это нетрудно узнать".

Янь Ци негромко фыркнул. В этот момент он был убийственно настроен. Может ли быть, что была утечка информации от людей снизу? Линь Цинъюй был прав, этот ребенок действительно слишком умен.

"У вас есть финансовые ресурсы, у вас есть разведывательная сеть Яньци и военная мощь Хэйшуйгуань, но этого недостаточно. Если все действительно начнется, разведывательная сеть Яньци будет слишком тонкой, а финансовые ресурсы без военной защиты не стоят и упоминания.

, Что касается военной силы Хэйшуйгуань, то они находятся слишком далеко, и как только они появятся, они могут быть атакованы совместной атакой. Независимо от того, насколько они сильны, они не смогут победить объединение семьи Чжао и Запретной армии. Поэтому вы можете только спровоцировать их на внутреннюю битву. Вопрос в том, как сражаться? Вам нужен кто-то впереди, и я - самый подходящий вариант! Давайте договоримся, я буду помогать вам, провоцировать их споры, давать раздуваться их амбициям и рисковать, я буду выступать. В награду..."

Хотя его лицо оставалось спокойным и невозмутимым, в душе Линь Цинъю уже кричал, неужели ты хочешь быть таким умным! Когда я услышал последние несколько предложений, мое лицо действительно не сдержалось. Я подозрительно смотрела на него несколько секунд, затем подняла пиалу с чаем, притворяясь спокойной, думая, как ответить на это, запивая водой. Приговор.

"Я хочу быть твоим мужчиной". У Чэн Цзярона светлое выражение лица, нежная улыбка и чрезвычайно мягкий голос.

Пых! Линь Цинъюй выплеснул воду.

Элегантно и спокойно достав из рукава вуаль и вытерев пятна воды на лице, Чэн Цзя сказал: "Это самое полезное для тебя. На твоем теле столько жизней. Ты можешь только преуспеть, не

потерпев поражения. Я - еще одна. Это немного больше гарантий. Ну, двор Цзяньцзя слишком далеко. Я хочу, чтобы рядом с тобой был Ци Аоюань".

"Почему?" Дважды кашлянув, Линь Цинъюй смущенно спросил: "Почему?"

Тело Чэн Цзя немного не выдержало и упало на мягкое сиденье мягкой кушетки, но все еще сохраняя элегантную манеру поведения, с ленивой улыбкой сказала: "То, что ты сказал, я долго думал об этом, если я не помогу тебе, ты не сможешь добиться успеха. То, что ты сказал, правильно. Если ты хочешь, чтобы эта страна действительно стала лучше, ничего не получится, если ты не уничтожишь ее полностью. В этом случае Ка поможет тебе".

Линь Цинъюй долго смотрел на него и сказал: "При чем здесь то, что ты мой человек?".

Тело Чэн Цзя медленно выгнулось, а его голос слабый, словно неслышный, произнес: "Линлун кубики Ань Хундоу, я знаю, я не знаю, я в кости...".

Двор не большой, но очень элегантный. Несколько бамбуковых палок качаются у стены, несколько фиолетовых кувшинок цветут в маленьком пруду, синяя трава цветет прямо у пруда, и слабый аромат плывет по двору вместе с ветром.

Чэн Сян стоял у ворот двора, ошеломленно размышляя, как давно здесь находится этот двор? С тех пор как его сын получил главный приз в шестнадцать лет, он стал очень стабильным и правильным в общении с другими. Кажется, я больше не беспокоюсь о нем. Даже если он знает, что на этот раз он серьезно болен, и думает, что может выйти, не заботясь об этом, он должен подумать. Есть слишком много вещей, и император становится все более и более нелепым. Фракция Ван Сяна и фракция Дун Сяна идут голова к голове, но в плане сбора денег они беспрецедентны. Он изо всех сил старался сохранить оставшиеся позиции Цинлю.

Когда я увидел Чэн Цзя сегодня утром, он едва поверил своим глазам. Через полмесяца его сын стал таким худым. Когда он вернулся, чтобы спросить, то понял, что тот не ел уже два дня. Он снова разозлился, хотя и не знал, почему его вырвало кровью в тот день, но он определенно не мог избавиться от этой женщины. Насколько священной была эта женщина, чтобы заставить его сына с глазами на голове так сильно страдать?

"Господин?" осторожно позвал слуга, держа поднос, отчего Чэн Сян проснулся, сердито топнул ногой и вошел в комнату.

"Отец?" Чэн Цзя прислонился к изголовью кровати, посмотрел на ворвавшегося Чэн Сяна простыми глазами и позвал.

"Ты только что показал свое дыхание? Разве ты не хочешь жить ради женщины?" Чэн Сян высоко поднял руку, но не смог убрать руки, увидев бледное и бескровное лицо сына, он гневно сказал.

"Мой сын не хотел жить", - слабо улыбнулся Чэн Цзя и сказал: "Просто я действительно не могу есть".

"Принеси это мне!" крикнул Чэн Сян, взял с подноса в руках слуги миску с тушеной ароматной кашей, поставил ее перед Чэн Цзя и сказал: "Ешь!".

Чэн Цзя взял кашу и послушно проглотил ее. Увидев, что миска с кашей дошла до дна, на лице

Чэн Сяна появилась улыбка, и он сказал: "Правильно, это всего лишь женщина, чего только не найдешь? Там? Я слышал, что дочь семьи Фу добродетельна и красива, и ты всегда нравилась мастеру Фу, так что давай поговорим с ним за моего отца."

"Хорошо." Чэн Цзя поставил пустую миску на поднос в руке слуги и с улыбкой кивнул.

Чэн Сян обрадовался еще больше и вздохнул: "Цзяэр, ты также знаешь, что мой отец уже стар, и фракция Цинлю не вся будет передана тебе в будущем! I..."

"Хм..." Чэн Цзя, который слушал слова Чэн Сяна со слабой улыбкой, внезапно прикрыл рот, затем откинулся назад и его вырвало.

Только что съеденная каша была извергнута нетронутой, с примесью черной крови. Глядя на Чэн Цзя, которого все еще рвало, Чэн Сян побледнел.

"Ничего страшного", - Чэн Сян встал, дрожа, словно ему было несколько лет, медленно подошел к двери и вздохнул: "Как хочешь, только дома ты точно не сможешь выйти замуж! "

Увидев спину отца, которая, казалось, внезапно поникла, Чэн Цзя медленно сел, с кривой улыбкой в уголке рта, отчего кровавые пятна стали красными и ослепительными.

Что ты хочешь? Чэн Цзя, подумай хорошенько, чего ты хочешь? На самом деле ты уже давно это знаешь, верно?

"Книжный шкаф, приготовь кресло для седана".

Ворота дворца Дингуо были еще закрыты. Чэн Цзя стоял под ступенями с футляром для книг, смотрел на картину и похлопывал по двери.

Ветер сдул несколько бумажных денег с другой стороны улицы, заставив его вздрогнуть, а затем вспомнить, что завтра будет Праздник Середины Года.

"Извините, пожалуйста, скажите моей жене, нашему сыну очень нужно что-то попросить!" Хуацзянь поставил ногу в щель двери и сказал охраннику, который хотел закрыть дверь, когда они увидели их.

"Наша жена соблюдает сыновнюю почтительность и не может видеть посторонних". Охранник холодно сказал, а затем приготовился закрыть дверь силой.

"Пожалуйста, поговорите с Цайе, Чэн может получить счет военного министерства". Чэн Цзя сделал два шага вперед и прошептал.

Лицо охранника слегка изменилось, и он сказал, что вы подождете, а затем закрыл дверь.

"Мастер, отдохните?" обеспокоенно глядя на бледное лицо Чэн Цзя, убеждал Шумо.

Чэн Цзя покачал головой, просто глядя на дверь, как будто он уже прошел через дверь в сокровенное.

Дверь со скрипом открылась, Янь Ци посмотрела на Чэн Цзя, который уже мялся, обхватив ее руками, а затем сказала: "Входи один".

Похлопав рукой по потревоженному книжному шкафу, глубоко вздохнув, Чэн Цзя последовала за Янь Ци в дверь.

Линь Цинъюй не ожидал, что Чэн Цзя настолько похудела всего через полмесяца. Не будет преувеличением описать его как пробитую кость. Он замер на мгновение, встал и сказал: "Иди позови Алана".

Пройдя столько дорог, Чэн Цзя достиг предела. Он сел на мягкую кушетку и, не обращая внимания, выпил воды из чашки с чаем, стоявшей на столе. Фанг поднял голову и сказал: "Цзя хочет поговорить с тобой наедине. Возможно ли это?"

Цвет лица Линь Цинъюя слегка потемнел. Видя, что он молчит, Чэн Цзя не беспокоился, а лишь слегка потягивал холодный чай из чашки.

"Проглоти семь".

Янь Ци кивнул, махнул рукой, и все служанки у водного павильона отступили, а затем отступили и они с Ин Цзю.

"С твоей нынешней силой, даже если Хэйшуйгуань поможет тебе, невозможно завоевать мир, но если ты сначала допустишь гражданскую войну в династии Чжоу, когда различные фракции потеряют свои силы, тогда ты начнешь постепенно поглощать их, это возможно, но, Как ты можешь быть уверен, что эти люди расстроятся? Но это нормально, они не могут расстроиться, вы, естественно, будете думать о том, чтобы дать им расстроиться. Для 30 миллионов в этой войне, кроме денег, которые были взяты у людей. Большинство из них поступило от крупных игроков. Хотя предложение Ван Сяна спасло их интересы и подавило их недовольство, но если люди узнают, что 30 миллионов гуаней - это на самом деле семейная выгода, не говоря уже о Дун Сянхуэй. Подумав, другие семьи будут недовольны". Посмотрев на Лин Цинъюя, который медленно садился напротив, Чэн Цзя улыбнулся: "Когда ты хотел проверить военные расходы семьи Чжао?"

"Во время фестиваля Циси я слышал, как генералы Чжао Иньфэна болтали, говоря, что они не получили денег, а расходы не сравнимы с расходами Запретительной армии. Но я подсчитал счета в Хэйшуйгуане и знаю приблизительные военные расходы. Если они не получили денег, то куда делись 30 миллионов? Как вы узнали, что я расследую военные расходы?".

"У Цзя тоже есть свои каналы. Так как я знаю, что Янь Ци и остальные принадлежат к Красной Палате, выяснить это несложно". Чэн Цзя поднял глаза и посмотрел в ту сторону, где стоял Янь Ци, и с улыбкой сказал: "Просто узнай у Ся Тяньсян, каких гостей любят принимать девушки в этом здании в последнее время, а потом спроси, на какие темы **** разговаривают эти гости и девушки, это нетрудно узнать".

Янь Ци негромко фыркнул. В этот момент он был убийственно настроен. Может ли быть, что была утечка информации от людей снизу? Линь Цинъю был прав, этот ребенок действительно слишком умен.

"У вас есть финансовые ресурсы, у вас есть разведывательная сеть Яньци и военная мощь Хэйшуйгуань, но этого недостаточно. Если все действительно начнется, разведывательная сеть Яньци будет слишком тонкой, а финансовые ресурсы без военной защиты не стоят и упоминания. Что касается военной мощи Хэйшуйгуань, они находятся слишком далеко, и как только они появятся, они могут быть атакованы совместной атакой. Независимо от того, насколько они сильны, они не смогут победить совместную атаку семьи Чжао и Запретной армии. Поэтому вы можете только спровоцировать их на внутреннюю битву. Вопрос в том, как сражаться? Вам нужен кто-то впереди, и я - самый подходящий вариант! Давайте договоримся,

я буду помогать вам, провоцировать их споры, позволять раздувать их амбиции и рисковать, я буду выступать. В награду..."

Хотя его лицо оставалось спокойным и невозмутимым, в душе Линь Цинъю уже кричал, неужели ты хочешь быть таким умным! Когда я услышал последние несколько предложений, мое лицо действительно не сдержалось. Я подозрительно смотрела на него несколько секунд, затем подняла пиалу с чаем, притворяясь спокойной, думая, как ответить на это, запивая водой. Приговор.

"Я хочу быть твоим мужчиной". У Чэн Цзярона светлое выражение лица, нежная улыбка и чрезвычайно мягкий голос.

Пых! Линь Цинъюй выплеснул воду.

Элегантно и спокойно достав из рукава вуаль и вытерев пятна воды на лице, Чэн Цзя сказал: "Это самое полезное для тебя. На твоем теле столько жизней. Ты можешь только преуспеть, не потерпев поражения. Я - еще одна. Это немного больше гарантий. Ну, двор Цзяньцзя слишком далеко. Я хочу, чтобы рядом с тобой был Ци Аоюань".

"Почему?" Дважды кашлянув, Линь Цинъюй смущенно спросил: "Почему?"

Тело Чэн Цзя немного не выдержало и упало на мягкое сиденье мягкой кушетки, но все еще сохраняя элегантную манеру поведения, с ленивой улыбкой сказала: "То, что ты сказал, я долго думал об этом, если я не помогу тебе, ты не сможешь добиться успеха. То, что ты сказал, правильно.

Если вы хотите, чтобы эта страна действительно стала лучше, ничего не получится, если вы не уничтожите ее полностью. В этом случае Ка поможет тебе".

Лин Цинъюй долго смотрел на него и сказал: "Какое отношение это имеет к тому, что ты мой человек?".

Тело Чэн Цзя медленно выгнулось, а его голос слабый, словно неслышный, произнес: "Линлун дайсэ Ань Хундоу, я знаю, я не знаю, я в кости...".

http://tl.rulate.ru/book/15727/2535209